

**Дихотомия сакрального и идеологического в путевых заметках Джалала
Але-Ахмада**

Научный руководитель – Ширинянц Александр Андреевич

Кассамединова Алсу Амантаевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
политологии, Кафедра истории социально-политических учений, Москва, Россия

E-mail: alsu_kas2002@mail.ru

В современной научной литературе все более актуальным становится изучение взаимных образов и стереотипов, формирующих восприятие народами друг друга. Особое значение эта проблематика приобретает в контексте российско-иранских отношений, где исторически сложившиеся представления продолжают влиять на характер взаимодействия двух стран [2]. Обращение к интеллектуальному наследию иранского мыслителя Джалала Але-Ахмада (1923–1969) позволяет проследить, как в иранской общественной мысли формировался образ Советского Союза — сложный, противоречивый, сочетавший в себе черты идеологического антипода и геополитического соседа [6]. Летом 1964 года Але-Ахмад принял участие в VII Международном антропологическом конгрессе в Москве, после чего в течение месяца посетил Ленинград, Баку и Самарканд. Результатом поездки стали путевые заметки «Safar-e Roos» («Путешествие в Россию»).

Одной из центральных тем записок становится противопоставление двух ликов советской действительности: официальной идеологии, воплощенной в монументальной архитектуре и бюрократических практиках, и глубинной народной религиозности, сохраняющейся вопреки всем запретам. Уже по прибытии в Москву Але-Ахмад замечает, что новые здания «странно большие и построены так, чтобы доминировать над людьми» [7, с. 102]. Гостиница «Москва» напоминает ему «"дворец" Кафки» [7, с. 48], задавая тон восприятию советского мира как бюрократически-абсурдного. Впоследствии он приходит к выводу, что «в городе — если вы живете среди величия, нет возможности для сравнения, и если вы были изгнаны из него или не смогли войти в него, вместо сравнения вы принимаете господство» [7, с. 71]. Архитектура осмысливается им как инструмент власти, средство утверждения нового порядка.

Ключевым символом новой сакральности становится для Але-Ахмада Мавзолей Ленина. Наблюдая за многокилометровой очередью к усыпальнице, он проводит прямые параллели с религиозным паломничеством, вспоминая «иерархию и миры пути, долгой дороги и "узкой двери"» [7, с. 62]. Мыслитель фиксирует важнейшее противоречие: атеистическая по своей сути власть, стремясь искоренить религию, воспроизводит ее формы, создавая собственные святыни и ритуалы. «Это Советский Союз, и Москва, и мавзолей, и все это в контексте русской традиции и культуры» [7, с. 62], — заключает он.

Не меньшее впечатление производят на него повседневные практики советского общества. Бюрократизм, бесконечные очереди, формализм становятся постоянными спутниками его путешествия. Размышляя об их причинах, Але-Ахмад задается вопросом: «Вся работа — государственная, все обеспечены, и нет страха остаться без хлеба насущного, и нет нужды в новаторстве и конкуренции, и не нужно бежать и рвать обувь, и не нужно столько очередей, столько подчинения и дисциплины, и снова тот же замкнутый круг. Мечтали ли Ленин и Троцкий о таком мире?» [7, с. 125]. В этом вопросе сконцентрировано разочарование мыслителя, увидевшего, как великие идеалы обернулись «засильем бумажной волокиты» [7, с. 124].

Подлинное открытие «живой» России происходит за пределами столицы. В Коломенском, старой царской резиденции под Москвой, Але-Ахмад попадает в мир, разительно отличающийся от столичного: деревянные дома с резными ставнями, старики на зава- линках, деревенский быт [7, с. 67–68]. Но главное потрясение ждет его в церкви, где он застаёт воскресную службу. Описание этой сцены принадлежит к числу самых сильных страниц его записок: «Церковь была полна людей, и большинство из них были женщины, с несколькими мужчинами, и все стояли и слушали, как мужчины-певцы пели в алтаре» [7, с. 68]. Сам он зажигает свечу, становясь участником действия, и приходит к порази- тельному осознанию: «Я шел прямо по книгам Толстого и Достоевского. Никогда я не думал, что можно так быстро вернуться на сто пятьдесят лет назад в России — и это в 25 километрах от Москвы» [7, с. 69]. Литературный образ обретает плоть и кровь, являя неизменную, глубинную Россию [3].

Это столкновение с живой верой заставляет Але-Ахмада задуматься о пределах ате- истического эксперимента. С горечью он замечает: «И печальная часть истории была в том, что они хотели закрыть такой воскресный мир, причем силой и для чего? С таким величием, что религия была и все еще есть в России. В обмен на поклонение Сталину? Кто написал такую катастрофу кровью?» [7, с. 70]. В его восприятии выстраивается отчетли- вая оппозиция: «искусственный» мир советской идеологии противостоит «естественному» миру народной религиозности, укорененному в традиции.

Посещение кладбища Данилова монастыря, где похоронены Чехов и Гоголь, приво- дит его к еще более глубоким размышлениям: «Мертвые до и после революции лежали рядами рядом друг с другом. Один поскромнее, другой сторбленный. Но ряд. И в истори- ческой последовательности означает ли это, что кладбище — единственное устье прошлого и настоящего? И единственная связь между вчерашним и сегодняшним? В мире живых, которые эту связь разорвали» [7, с. 104–105]. В советском обществе, где идеология стре- милась разорвать связь времен, кладбище остается местом их естественного единства.

Наблюдения Але-Ахмада представляют собой материал для понимания пределов ате- истического эксперимента и природы «русской души». Его удивление перед фактом, что в двадцати пяти километрах от столицы атеистического государства можно «вернуться на сто пятьдесят лет назад» [7, с. 69], говорит о многом: несмотря на десятилетия про- паганды, народная вера сохранилась в толще культуры. И то, что наиболее остро это ощутил человек из иной культурной традиции, прошедший через соблазн коммунизма и совершивший хадж, придает его свидетельству особую убедительность [5].

Источники и литература

- 1) Джалал А. Гарбзадеги / Пер. с перс. А. П. Андрюшкина. М.: Издательство «Ад Маргинем», 2024. 208 с.
- 2) Кассамединова А.А. Изменение образа России в иранской мысли: от противостояния к сотрудничеству // SCHOLA-2024: сборник научных статей факультета политоло- гии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. М.: МГУ, 2024. С. 358–361.
- 3) Кассамединова А.А. Образ России в путевых заметках иранского философа Джа- лала Але-Ахмада // Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2025». М., 2025. С. 78–83.
- 4) Кассамединова А.А. Образ России в творчестве Джалала Але-Ахмада // SCHOLA- 2025 : сборник научных статей факультета политологии Московского государст- венного университета имени М. В. Ломоносова / под ред. А. Ю. Шутова и А. А. Ши- ринянца. – Москва: Издательство Московского университета, 2025. – С. 236–239.

- 5) Ходжамуродов О. Взгляд на «Западничество» Джалала Але Ахмад (культурологическое исследование) // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2016. № 4-5(209). С. 153–157.
- 6) Штых Ю.Г. Духовный опыт путешественника в путевых заметках Джалал Але Ахмада // Язык и культура в глобальном мире. 2022. С. 200–204.
- 7) Ale-Ahmad J. A trip to Russia. Tehran: Ferdous, 1387 [2008]. 328 p.